

«Российская внешняя политика в Сирии в первой четверти XXI века: цели, инструменты и последствия»

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	1
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДО НАЧАЛА КОНФЛИКТА (2000 Г. - 2011 Г.).....	3
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА (2011 Г. – 8 ДЕКАБРЯ 2024 Г.).....	5
ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (С 8 ДЕКАБРЯ 2024 Г. – 2025 Г.).....	11
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	14
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	14

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Сирийский конфликт остается одним из ключевых векторов российской внешней политики первой четверти XXI века, став полигоном для демонстрации способности России к самостоятельным военным и дипломатическим маневрам на глобальной арене. Особую значимость придает текущий исторический перелом: падение режима Башара Асада в декабре 2024 года ознаменовало завершение целого этапа и переход конфликта в качественно новую фазу. Это событие делает необходимым комплексное переосмысление эволюции российской стратегии в Сирии в период с 2000 по 2025 год.

Актуальность исследования эволюции внешней политики РФ в Сирии определяется трансформацией роли Москвы в меняющемся регионе. Ранние попытки Асада либерализовать режим и допустить ограниченные элементы общественной критики были отвергнуты старой элитой, что законсервировало систему. Однако позже появление угрозы в лице ИГИЛ (организация запрещена в РФ) не дестабилизировало позиции Асада окончательно, а создало для Москвы повод для прямой военной поддержки. Россия смогла позиционировать свои действия как вклад в глобальную антитеррористическую стабильность, что позволило укрепить режим и вернуть Кремль на Ближний Восток в роли ключевого игрока.

К середине 2020-х годов геополитический ландшафт изменился. Эскалация израильских ударов по иранским прокси, общее стратегическое ослабление Тегерана под давлением санкций и внутривосточных проблем, а также размывание прежних осей влияния создали условия для краха существовавшей системы власти. На этом фоне активизировались остатки группировок, чья идеология восходит к расколу внутри сирийского отделения «Аль-Каиды» (организация запрещена в РФ), что привело к реваншу оппозиционных сил и бегству Асада.

В связи с этим изучение целей, инструментов и последствий российской внешней политики необходимо для оценки эффективности дипломатических маневров и определения перспектив присутствия России на Ближнем Востоке в данный переходный период.

Объект: внешняя политика России в Сирии в первой четверти XXI века.

Предмет: цели и инструменты реализации российской внешней политики в Сирии на различных этапах (2000–2025 гг.).

Цель: выявить логику и эволюцию российской стратегии в Сирии через анализ трансформации целей, инструментов и последствий внешней политики РФ в период с 2000 по 2025 год.

Задачи:

1. Охарактеризовать двусторонние отношения России и Сирии в доконфликтный период (2000–2011 гг.).
2. Проанализировать трансформацию российской стратегии в условиях военного конфликта и антитеррористической операции (2011–2024 гг.).
3. Определить цели, инструменты и перспективы политики РФ в переходный период после смены власти в Сирии (2024–2025 гг.).

Научная новизна: в исследовании представлен комплексный анализ эволюции российской внешней политики в Сирии, структурируя её через призму триады «цели – инструменты – последствия» на каждом из этапов. Особая ценность заключается в изучении адаптации наработанных инструментов влияния к новым реалиям после падения Сирийской Арабской Республики, что позволяет выявить механизмы сохранения стратегического присутствия.

Практическая значимость: материалы исследования могут использоваться в образовательных курсах по международным отношениям, а также в аналитических разработках по стратегии России на Ближнем Востоке.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДО НАЧАЛА КОНФЛИКТА (2000 Г. - 2011 Г.)

Распад Советского Союза в декабре 1991 года ознаменовал не только конец биполярного мироустройства, но и кризис во внешнеполитической идентичности новообразованной Российской Федерации. В условиях экономического коллапса, политической нестабильности и стремления к интеграции в западное сообщество Россия в 1990-е годы фактически отказалась от активной роли в регионах, где СССР ранее играл ключевую роль.

Одним из наиболее ярких проявлений этого курса стало резкое охлаждение отношений с традиционными союзниками, среди которых была и Сирия: если в советский период Дамаск рассматривался как стратегический партнёр, получавший значительную военную, экономическую и дипломатическую поддержку, то в 1990-е годы Россия практически прекратила взаимодействие с Сирийской Арабской Республикой, что проявилось не только в падении товарооборота с почти 1 млрд долларов в 1991 году до 88 млн долларов в 1993 году, но и в свертывании военно-технического сотрудничества, резком, минимальных дипломатических контактах без значимых визитов до 1999 и сокращении числа военных специалистов [7]. хотя были подписаны торгово-экономические соглашения 1993 г., позволившие товарообороту вырасти до 160 млн долларов к 2000 г., при сохранении пункта ВМФ РФ в Тартусе.

Распад СССР привёл не только к геополитическому отступлению России с Ближнего Востока, но и к утрате доверия со стороны традиционных партнёров: Сирия, оставшаяся без поддержки, оказалась в состоянии международной изоляции, что усилило её зависимость от других акторов, включая Иран. Лишь с приходом к власти В.В. Путина в 2000 году начался процесс восстановления двусторонних связей, основанный на принципах многополярности и национальных интересов.

Одним из ключевых препятствий на пути восстановления российско-сирийских отношений в 1990-е – начале 2000-х годов стал вопрос сирийского долга перед СССР, унаследованного Российской Федерацией после распада Советского

Союза. В условиях экономического кризиса в России и отсутствия у Сирии возможности расплатиться в свободно конвертируемой валюте, долг стал серьёзным камнем преткновения в двусторонних отношениях.

Первые шаги к разрешению проблемы были предприняты лишь в 2005 году [26]. В ходе визита президента Башара Асада в Москву было подписано Соглашение об урегулировании задолженности САР перед РФ, согласно которому Россия списала 73 % долга (около 9,8 млрд долларов) [14]. Оставшиеся 3,6 млрд были конвертированы: часть подлежала выплате деньгами, другая – направлялась на совместные инвестиционные проекты в энергетике, инфраструктуре и промышленности [1].

Списание долга оказало решающее влияние на развитие двусторонних отношений. Уже в 2005–2006 годах были подписаны соглашения о сотрудничестве в нефтегазовой сфере, модернизации портов и строительстве электростанций [29]. Военно-техническое сотрудничество стало краеугольным камнем российско-сирийских отношений в период с 2000 по 2011 год, заложив основу для последующего стратегического партнёрства. После почти полного прекращения поставок в 1990-е годы, Россия в начале 2000-х годов возобновила поставки вооружений в Сирию, что стало не только экономическим, но и геополитическим сигналом о возвращении России на Ближний Восток.

Вскоре после списания основной части сирийского долга, в 2005 году были заключены контракты на поставку различного вооружения: зенитно-ракетных комплексов [38]. В 2007 году был подписан контракт на поставку 12 истребителей МиГ-29М/М2 [16]. Эта работа позволила не только повысить боеспособность сирийской армии, но и укрепить доверие между военными ведомствами двух стран.

Экономическое взаимодействие между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой в период с 2000 по 2011 год развивалось в условиях дисбаланса между его стратегическим потенциалом и фактическими объёмами. Несмотря на политическую и военную солидарность, торгово-экономические связи оставались скромными: если в 1991 году товарооборот составлял около 1 млрд долларов США, то к 2005 году он едва достигал 200 млн долларов.

Восприятие Сирии как опорного государства на Ближнем Востоке было обусловлено несколькими факторами. Дамаск оставался одним из режимов, не подчинявшихся западному давлению и открыто критиковавших односторонние действия США. Сирия контролировала ключевые транспортные и энергетические коридоры, а также имела выход к Средиземному морю – что открывало для России возможности военно-стратегического присутствия через базу в Тартусе.

Россия, вернувшись к активной политике на Ближнем Востоке при В.В. Путине, стремилась восстановить влияние через партнёрство с режимами, независимыми от Запада. Центральным элементом стратегической ценности Сирии для России была морская база в Тартусе – единственный объект материально-технического обеспечения ВМФ РФ за пределами СНГ. Созданная в 1971 году по советско-сирийскому соглашению, к началу 2000-х годов база пришла в упадок, однако её юридический статус сохранялся.

Таким образом, в доконфликтный период российская внешняя политика в Сирии преследовала цели восстановления регионального влияния и урегулирования советского долгового наследия. Основными инструментами достижения этих целей стали финансовая дипломатия, возобновление военно-технического сотрудничества и точечное участие российских компаний в энергетических проектах. Главным последствием этого этапа стало возвращение Сирии в орбиту стратегических интересов России и сохранение плацдарма в Тартусе, что создало необходимую базу для возможной военной поддержки режима в будущем, несмотря на сохраняющийся дисбаланс в объемах экономической торговли.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА (2011 Г. – 8 ДЕКАБРЯ 2024 Г.)

Гражданская война в Сирии, вспыхнувшая в 2011 году, стремительно переросла из внутривосточного кризиса в масштабный международный конфликт, в котором пересеклись интересы глобальных и региональных держав. Для Российской Федерации этот конфликт приобрел особое значение, обусловленное как историческими связями с Дамаском, так и стратегическими приоритетами на Ближнем Востоке. По мере эскалации кризиса российская политика

эволюционировала от дипломатической поддержки суверенитета Сирии к прямому военному вмешательству в 2015 году. В этой связи можно выделить взаимосвязанные цели, определившие логику действий России.

Первая цель – стабилизация ситуации в регионе через сохранение легитимного правительства Башара Асада. Негативный опыт «ливийского сценария», где внешнее вмешательство под лозунгами гуманитарной защиты привело к разрушению государственности и хаосу, стал для России ключевым уроком. Россия категорически отвергала практику насильственной смены режима извне, справедливо полагая, что устранение центральной власти неминуемо ведёт к вакууму власти и коллапсу государства. Эту позицию 28 сентября 2015 года публично закрепил Владимир Путин в диалоге с Барак Обамой, подчеркнув, что «свою судьбу должны решать сами сирийцы», а Асад является легитимным лидером, противостоящим террористам [28]. В логике Кремля, падение действующего правительства привело бы либо к полной дезинтеграции страны по ливийскому образцу, либо к захвату власти радикальными исламистами. Таким образом, поддержка Дамаска стала для России способом защиты не только союзника, но и самого принципа суверенной государственности и международного права.

Вторая цель – Вторая цель — нейтрализация угрозы международного терроризма. К сентябрю 2015 года террористические организации ИГИЛ (организация запрещена в РФ) и «Джебхат ан-Нусра» (организация запрещена в РФ) контролировали значительную часть сирийской территории, превратив страну в глобальный плацдарм для экстремистов. Угрозу для национальной безопасности России представляло присутствие в рядах боевиков выходцев из РФ и стран Центральной Азии: по данным ФСБ, их число превышало 5 тысяч человек [49]. Главным риском было возвращение этих радикально настроенных групп на родину с богатым боевым опытом. В этой связи Сирия рассматривалась Россией как стратегическая «буферная зона»: военная операция позволяла уничтожить угрозу на дальних подступах, не допуская экспорта терроризма и дестабилизации обстановки внутри российских границ.

Третья цель – противодействие одностороннему диктату Запада и укрепление основ многополярного мира. К 2015 году сирийский конфликт вышел за национальные рамки и стал полем геополитического противостояния. Западные державы во главе с США делали ставку на смену режима Башара Асада через поддержку оппозиционных группировок. Россия, напротив, исходила из того, что будущее Сирии не может определяться извне. Военное вмешательство России фактически заблокировало реализацию сценария, аналогичного ливийскому, и продемонстрировало несостоятельность практики «двойных стандартов», при которой одна часть вооруженной оппозиции объявляется «умеренной», а другая – террористической. Тем самым Россия подтвердила приверженность базовым принципам международного права, систематически игнорировавшимся Западом в предыдущие десятилетия. Это придало сирийской кампании значение не просто региональной операции, а акта глобального стратегического позиционирования. Россия стремилась противостоять односторонним действиям Запада, особенно США и их союзников. В отличие от них, Россия находилась на территории САР по приглашению [42]. Российская дипломатия неоднократно блокировала резолюции Совбеза ООН, направленные на легитимизацию силового вмешательства, тем самым отстаивая принципы международного права и Устава ООН [44].

В 2015 году, с началом прямого военного участия в сирийском конфликте, Россия заявила о своей миссии как антитеррористической. Одной из целей российской внешней политики в Сирии века стало противодействие международному терроризму. Российское руководство уже ранее заявляло, что борьба с терроризмом – не региональная, а глобальная задача, требующая объединённых усилий на основе международного права и под эгидой ООН [36].

30 сентября 2015 года Совет Федерации Российской Федерации единогласно одобрил обращение Президента РФ Владимира Путина об использовании Вооружённых Сил за пределами территории страны по просьбе законного правительства Сирийской Арабской Республики [44].

Начало операции совпало с критическим моментом в ходе гражданской войны: к осени 2015 года сирийская армия контролировала менее 20 % территории страны,

а Дамаск и другие ключевые города оказались под угрозой захвата [52]. Российское вмешательство стало переломным моментом, изменившим баланс сил в пользу законной власти и предотвратившим коллапс государства по «ливийскому сценарию».

Основной ударной силой выступали ВКС РФ, базировавшиеся на авиабазе Хмеймим в провинции Латакия [31]. Тактика применения ВКС основывалась на принципе точечного воздействия: авиаудары наносились по заранее разведанным целям с использованием высокоточного оружия и корректируемых авиабомб.

В рамках своей внешней политики в Сирии Россия активно использовала инструменты «мягкой силы» – совокупность невоенных средств влияния, направленных на формирование положительного имиджа и укрепление доверия как внутри страны, так и на международной арене.

Гуманитарная составляющая российского присутствия в Сирии получила системный характер с января 2016 года, когда началась масштабная гуманитарная операция по оказанию помощи мирному населению осаждённых городов [40].

Не менее важным направлением «мягкой силы» стало участие в восстановлении инфраструктуры. После освобождения Пальмиры в марте 2016 года российские специалисты развернули там полевой госпиталь и механизированный хлебозавод, что позволило возобновить базовые функции жизнеобеспечения [24]. В последующие годы российские военные инженеры и сапёры участвовали в разминировании городов, восстановлении дорог, школ и больниц. По данным Минобороны РФ, к 2018 году российскими сапёрами было разминировано более 17 тысяч зданий и свыше 299 гектаров территории [38].

Применение «мягкой силы» стало неотъемлемой частью комплексной стратегии России в Сирии, дополняя военные и дипломатические усилия и способствуя формированию устойчивого положительного образа РФ как гуманного и конструктивного партнёра.

23 февраля 2016 года на авиабазе Хмеймим в Сирии был официально создан Координационный центр по примирению враждующих сторон – уникальный

механизм, сочетающий гуманитарные, дипломатические и оперативные функции [27].

Центр выступал ключевым координатором гуманитарных инициатив в САР, обеспечивал безопасность доставки помощи, организовывал эвакуацию и контролировал гуманитарные коридоры. Помощь оказывалась всем, включая районы под контролем «умеренной оппозиции». Центр также был посредником между сторонами конфликта, вел переговоры и добивался соглашений о прекращении огня. К концу 2016 года в примирении участвовали более 900 населённых пунктов, к 2018 – свыше 2 500 [13]. Это позволило стабилизировать ситуацию в центральных и южных провинциях Сирии и создать условия для возвращения беженцев.

Российская внешняя политика в Сирии в первой четверти XXI века отличалась не только самостоятельностью, но и активной координацией с ключевыми союзниками и международными структурами. Эта многовекторность позволила России укрепить свои позиции как в регионе, так и на глобальной арене, превратив Сирию в полигон для демонстрации способности формировать альтернативные центры влияния.

Женевское коммюнике 2012 года стало первым международным консенсусом по урегулированию сирийского кризиса, предлагая создать переходный орган с представителями обеих сторон, без требований к отстранению Асада, что поддержала Россия и Китай. Последующие переговоры («Женева-1» – «Женева-4») проходили под эгидой ООН, однако долгое время не достигали значимых результатов из-за разногласий [53]. Прорыв случился после начала Астанинского процесса и принятия резолюции ООН № 2254 в 2015 году, закрепившей Женевский форум как основу политического решения.

Важным элементом взаимодействия стало создание совместного информационно-координационного центра в Багдаде в сентябре 2015 года [30]. В его состав вошли представители военных ведомств России, Ирана, Ирака и Сирии. Центр был ориентирован на обмен разведданными, координацию авиаударов и наземных операций против ИГИЛ (организация запрещена в РФ) и других террористических группировок [41].

А уже на встрече 30 октября 2015 года в Вене собрались представители 19 государств, включая США, Россию, Иран, Турцию, Саудовскую Аравию и Китай. В итоговом коммюнике стороны впервые договорились о:

1. Необходимости сохранения территориальной целостности Сирии;
2. Борьбе с терроризмом как приоритете;
3. Проведении конституционной реформы и выборов под эгидой ООН;

Существовал и Астанинский формат, инициированный Россией в конце 2016 года и официально запущенный в январе 2017 года, стал инструментом российской внешней политики в Сирии и важнейшим элементом многостороннего урегулирования гражданской войны [49]. Этот переговорный процесс позволил России не только укрепить свои позиции как центрального игрока на Ближнем Востоке, но и переформатировать международную повестку по Сирии, сместив акцент с западно-ориентированных Женевских переговоров на более прагматичную и результативную площадку.

Уже на первом раунде переговоров в Астане (23–24 января 2017 г.) был достигнут принципиальный прорыв: стороны подписали Меморандум о прекращении боевых действий на территории Сирии, который лег в основу последующих договорённостей [46]. В частности, на основе решений Астанинского процесса в мае 2017 года были созданы четыре зоны деэскалации. За соблюдением режима «тишины» в этих зонах следили подразделения военной полиции РФ [11].

Астанинский процесс не заменял, а дополнял Женевские переговоры, однако именно он стал тем инструментом, который позволил добиться реальных результатов на местах. Как отмечал глава МИД РФ С.В. Лавров, «Астанинская инициатива помогла прекратить период бесконечного выжидания со стороны ООН и дала импульс для возобновления политического диалога» [17].

Таким образом, в период с 2011 по 8 декабря 2024 года российская внешняя политика в Сирии прошла путь от дипломатического прикрытия союзника до прямого военно-политического вмешательства.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (С 8 ДЕКАБРЯ 2024 Г. – 2025 Г.)

К концу 2024 года стратегическая обстановка в Сирии изменилась. 8 декабря 2024 года силы оппозиции вошли в Дамаск, ознаменовав падение 61-летнего правления партии Баас и династии Асадов. К власти пришли новые силы во главе с Ахмедом аш-Шараа. За несколько дней до этого повстанцы захватили важные города, такие как Хомс и Алеппо, а также стратегическую транспортную развязку, контролировавшую прибрежную зону, где находились российские военные базы. Для российской внешней политики это означало необходимость срочной адаптации: стратегия, выстроенная на личных отношениях с Асадом, перестала работать, и России предстояло определить новые ориентиры в радикально изменившихся условиях [5].

После ухода Асада премьер-министр Сирии Мухаммед Гази аль-Джалали заявил о готовности переходного правительства к сотрудничеству с повстанческими группами. С падением 61-летней власти партии Баас и правящей династии Асада в Сирии начался сложный переходный период [32]. К власти пришёл Ахмед аш-Шараа – бывший командующий группировкой «Хайят Тахрир аш-Шам» (организация запрещена в РФ).

Для достижения целей в переходном периоде Россия использовала инструменты дипломатического прагматизма и гибкой реакции. Ключевым фактором стала персонификация контактов с новым лидером – Ахмедом аш-Шараа. Его отец ряд постов в сирийском правительстве, что указывало на принадлежность аш-Шараа к традиционной элите. Кроме того, своей политикой он сумел объединить разрозненные вооруженные группировки в единую структуру. Это понимание позволило России преодолеть идеологические барьеры и вступить в диалог, опираясь на его авторитет внутри страны.

Официальный представитель МИД России Мария Захарова 11 декабря 2024 года заявила, что Россия будет исходить из конкретных дел и поступков группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (организация запрещена в РФ) в вопросе её возможного исключения из списка террористических организаций. Мария Захарова подчеркнула,

что оценка должна базироваться на конкретных фактах и действиях организации, а не на общих теориях [8].

Ахмед аш-Шараа активно работает над укреплением международных связей. В сентябре 2025 года он посетил Вашингтон – первый официальный визит сирийского лидера в США с 1967 года, прибыв для участия в 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [18]. Существенную роль в легитимизации новой сирийской власти сыграла выстроенная Ахмедом аш-Шараа архитектура внешних связей. Если Турция выступала ключевым партнером, обеспечивающим экономическую поддержку, то налаживание контактов с Западом стало целью стратегического характера. Демонстрация аш-Шараа готовности к диалогу и прагматичному управлению привела к перелому в отношениях с Вашингтоном. Позитивная тенденция завершилась символическим актом: 7 июля 2025 года госсекретарь США Марко Рубио объявил об исключении «Хайят Тахрир аш-Шам» (организация запрещена в РФ) из американского списка террористических организаций. Это событие стало наглядным подтверждением того, что новый лидер Сирии – гибкий политик, готовый к конструктивному взаимодействию ради получения реальных дивидендов от дипломатии и вывода страны из изоляции.

В новых условиях перед Россией встала принципиально иная цель: не сохранение конкретного режима, а удержание собственного стратегического присутствия в Сирии через выстраивание рабочих отношений с новыми властями. Россия исходит из того, что военные базы в Хмеймиме и Тартусе, а также экономические контракты, наработанные за годы войны, являются слишком ценным активом, чтобы утратить их после смены правительства в Дамаске. Достижение этой цели требует от российской дипломатии гибкости: с одной стороны, необходимо взаимодействовать с бывшими противниками, с другой – не допустить вытеснения России другими региональными и глобальными игроками.

«Между Сирийской арабской республикой и Россией крепкие связи, зародившиеся еще с момента появления сирийского государства. У Сирии существуют устоявшиеся отношения с РФ в сфере энергетики и поставок продовольствия, которые были налажены задолго до нынешних событий. Задача

Сирии – иметь спокойные и стабильные отношения с Россией», – заявил Ахмед аш-Шараа в интервью гостелеканалу Al Ikhbariya [3].

В октябре 2025 года в Москве состоялась встреча между президентом России Владимиром Путиным и временным президентом Сирии Ахмедом аш-Шараа [35]. Эта встреча стала символом нового этапа в развитии российско-сирийских отношений и открыла новые возможности для укрепления сотрудничества между двумя странами.

Президент Путин отметил, что прошедшие в Сирии парламентские выборы являются важным шагом к консолидации общества и укреплению взаимодействия между различными политическими силами в стране [34]. В свою очередь Ахмед аш-Шараа выразил убежденность в том, что Россия будет играть серьёзную роль в развитии новой Сирии, и пообещал «перезапустить комплекс» двусторонних отношений, что свидетельствует о стремлении к активному и конструктивному диалогу [33].

Таким образом, переходный период после падения режима Башара Асада продемонстрировал высокую адаптивность российской дипломатии. Главной целью России стало не сохранение конкретного политического режима, а удержание стратегических позиций в регионе, для чего были использованы инструменты гибкой политики и прагматичного партнерства. Россия смогла выстроить диалог с новой элитой во главе с Ахмедом аш-Шараа, сделав ставку на его авторитет как лидера, объединившего группировки и происходящего из известной сирийской семьи. Важным фактором успеха стала интеграция в контекст внешней активности самого Дамаска: нормализация отношений Сирии с Турцией и США, кульминацией которой стало исключение «Хайят Тахрир аш-Шам» (организация запрещена в РФ) из американских списков террористов, подтвердила статус аш-Шараа как прагматичного партнера. В результате России удалось сохранить ключевое военное присутствие в Хмеймиме и Тартусе, избежав геополитического поражения и переформатировав отношения с Сирией в формат взаимовыгодного сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о эволюции российской стратегии в Сирии, которая прошла путь от восстановления сотрудничества до жесткой силовой защиты интересов и, наконец, к прагматичной адаптации в условиях смены власти.

Логика внешней политики России трансформировалась вслед за изменением геополитической обстановки. Если в начале века цели носили преимущественно экономический и статусный характер, а в период конфликта сместились в плоскость обеспечения национальной безопасности и сохранения государственности, то на переходном этапе приоритетом стало удержание стратегического присутствия любой ценой. Соответственно менялся и инструментарий: от финансовой дипломатии Россия перешла к прямому военному вмешательству и дипломатическим инструментам, позволившим выстроить диалог даже с бывшими оппонентами.

Главный итог заключается в том, что Россия доказала способность быть не просто ситуативным союзником, а устойчивым геополитическим игроком. Смена политических режимов в Дамаске и кардинальная перестановка сил в регионе не привели к выдавливанию России из Сирии, сохранив военную инфраструктуру и наладив контакты с новой элитой, Россия продемонстрировала, что ее присутствие на Ближнем Востоке является объективной реальностью, независимой от внутривнутриполитических изменений в странах-партнерах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики об урегулировании задолженности Сирийской Арабской Республики перед Российской Федерацией по ранее предоставленным бывшим СССР кредитам [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45935 (дата обращения: 25.02.2026).
2. Ахмедов, В. М. Политика России в сирийском конфликте. Факторы влияния и перспективы / В. М. Ахмедов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 773–784.

3. Аш-Шараа рассказал об отношениях с Россией [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 13.09.2025. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250913/otnosheniya-2041584721.html> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Вахшитех, А. Н. Процесс вовлечения России в сирийский кризис / А. Н. Вахшитех // Вестник молодых ученых-международников. – 2019. – № 2 (8). – С. 50–65.
5. Двенадцать дней, которые потрясли Сирию [Электронный ресурс] // РБК. – 08.12.2024. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/12/09/6755741b9a79475db5968c5d> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 25.02.2026)
7. Евсеев, В. В. Некоторые аспекты российско-сирийского сотрудничества [Электронный ресурс] / В. В. Евсеев // Институт международных экономических и политических исследований. – 2008. – Режим доступа: <https://www.iimes.ru/rus/stat/2008/04-03-08b.htm> (дата обращения: 25.02.2026).
8. Захарова рассказала, возможно ли исключение ХТШ из списка террористов [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 11.12.2024. – Режим доступа: <https://ria.ru/20241211/rossiya-1988622529.html> (дата обращения: 25.02.2026).
9. Зинин, Ю. Н. Сирия сегодня: будущее ближневосточной страны остается неопределенным / Ю. Н. Зинин // Россия и мусульманский мир. – 2025. – № 2 (336).
10. Звягельская, И. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России / И. Звягельская. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 208 с.
11. Зоны деэскалации в Сирии: вопросов больше, чем ответов [Электронный ресурс] // EADaily. – 08.05.2017. – Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/05/08/zony-deeskalacii-v-sirii-voprosov-bolshechem-otvetov> (дата обращения: 25.02.2026).

12. Изильева, Л. О. Особенности реализации внешнеполитического курса России в Сирии на современном этапе / Л. О. Изильева // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2017. – № 3 (137). – С. 97–102.
13. К перемирию в Сирии присоединились уже 972 населенных пункта [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 23.11.2016. – Режим доступа: <https://ria.ru/20161123/1482038210.html> (дата обращения: 25.02.2026).
14. Кудрин, А. Россия списала 73% сирийского долга, составлявшего 13,4 млрд долларов [Электронный ресурс] / А. Кудрин // Радиостанция «Маяк». – 2005. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/01/26/asad-siria.html> (дата обращения: 25.02.2026).
15. Кузьмин, Д. В. Анализ внешнеторговых отношений России и Сирии в 2007–2016 гг. / Д. В. Кузьмин, М. С. Передня // Россия и Азия. – 2017. – № 1. – С. 60–67.
16. Кулак группировки: зачем Россия перебросила МиГ-29СМТ в Сирию [Электронный ресурс] // Звезда. – 2017. – 18 сентября. – Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/201709180858-vqod.htm> (дата обращения: 25.02.2026).
17. Лавров: промедление в сирийском урегулировании никого устроить не может [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 20.02.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170220/1488373098.html> (дата обращения: 25.02.2026).
18. Лидер Сирии посетил США впервые за полвека [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 21.09.2025. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2025/09/21/lider-sirii-posetil-ssha-vpervye-za-polveka> (дата обращения: 25.02.2026).
19. Лобанов, К. Н. Гражданская война в Сирии и геополитические интересы России в ближневосточном регионе / К. Н. Лобанов, В. В. Моиссеев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 6. – С. 103–106.
20. Манойло, А. В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России / А. В. Манойло // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2 (106). – С. 145–172.
21. Мардасов, А. Г. Конкуренция России и США на фоне смены власти в Сирии / А. Г. Мардасов // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2025. – Т. 69, № 1. – С. 142–150.

22. Martini, Alice. Debating Syria in the Security Council: The Discursive Processes of Legitimation and Delegitimation of Actors Involved in the Syrian War / Alice Martini // The International Spectator. – 2022. – Vol. 57, No. 2. – P. 18-35.
23. Матвеев, О. В. Итоги российской военно-политической помощи Сирийской Арабской Республике: история и политика / О. В. Матвеев, М. А. Шляхтунов // Вестник екатерининского института. – 2017. – № 1 (37). – С. 42–47.
24. Минобороны организует в Сирии полевой госпиталь и хлебозавод [Электронный ресурс] // Российская газета. – 12.04.2016. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/04/12/minoborony-organizuet-v-sirii-polevoj-gospital-i-hlebozavod.html> (дата обращения: 25.02.2026).
25. Молодых, Л. Л. Участие России в войне в Сирии в контексте внешней политики России: мотивы и предварительные итоги / Л. Л. Молодых // Новый человек в мировой политике. – 2017. – № 38 (82). – С. 25–40.
26. Москва и Дамаск на острие "Иглы": Президент Сирии приехал в Россию для урегулирования вопросов военно-технического сотрудничества [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2005. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2005/01/26/asad> (дата обращения: 25.02.2026).
27. На авиабазе "Хмеймим" создан координационный центр по примирению [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 23.02.2016. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160223/1379240810.html> (дата обращения: 25.02.2026).
28. О переговорах Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел и по делам соотечественников за рубежом Сирийской Арабской Республики А. Шибани [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 31.07.2025. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/obstanovka-v-sirii-i-perspektivy-vnutrisirijskogo-dialoga/2038907 (дата обращения: 25.02.2026).
29. О российско-сирийском сотрудничестве в нефтегазовой сфере [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа:

- https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1690308 (дата обращения: 25.02.2026).
30. Обзор МИД России "Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году" [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2016. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1450967 (дата обращения: 25.02.2026).
31. Операция ВС РФ в Сирии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – 30.09.2017. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4603727> (дата обращения: 25.02.2026).
32. Правившая 60 лет в Сирии партия «Баас» объявила о приостановке работы [Электронный ресурс] // РБК. – 11.12.2024. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2024/6759f1899a794767e52f7bf5> (дата обращения: 25.02.2026).
33. Президент Сирии выступил за перезапуск отношений с Россией [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 15.10.2025. – Режим доступа: <https://ria.ru/20251015/siriya-2048391068.html> (дата обращения: 25.02.2026).
34. Путин назвал большим успехом победу пропрезидентских сил в Сирии [Электронный ресурс] // ТАСС. – 15.10.2025. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/25351775> (дата обращения: 25.02.2026).
35. "Ради народа". О чем договорились Путин и аш-Шараа [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 15.10.2025. – Режим доступа: <https://ria.ru/20251015/siriya-2048451968.html> (дата обращения: 25.02.2026).
36. Российская Федерация в борьбе с международным терроризмом [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2025. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1675287 (дата обращения: 25.02.2026).
37. Российские саперы за пять лет разминировали более шести тысяч га в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 21.08.2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190821/1557731273.html> (дата обращения: 25.02.2026).

- 38.Россия завершит поставку Сирии вертолетов и систем противовоздушной обороны [Электронный ресурс]: материалы РИА Новости, 11 июля 2012 года. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2012/07/11/airdefence> (дата обращения: 25.02.2026).
- 39.Россия разворачивает гуманитарную операцию в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 15.01.2016. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160115/1360168875.html> (дата обращения: 25.02.2026).
- 40.Россия, Сирия, Иран и Ирак создали информцентр для борьбы с ИГ [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 26.09.2015. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2015/09/26/oychtodelaetsya> (дата обращения: 25.02.2026).
- 41.Рыбалкин, А. Н. Сирийское направление российской внешней политики (2012-2018 гг.): дис. канд. ист. наук / А. Н. Рыбалкин; Дипломатическая академия МИД РФ. – Москва, 2022. – 305 с.
- 42.Сенатор напомнил, что российские ВС находятся в Сирии по приглашению [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 29.02.2020. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200229/1565502800.html> (дата обращения: 25.02.2026).
- 43.Сенаторы единогласно одобрили использование российских Вооруженных сил на территории Сирии [Электронный ресурс] // Совет Федерации РФ. – 30.09.2015. – Режим доступа: http://council.gov.ru/events/main_themes/59272/ (дата обращения: 25.02.2026).
- 44.Сирийский вопрос в Совете Безопасности ООН [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 26.10.2025. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1647832 (дата обращения: 25.02.2026).
- 45.Совместное заявление Ирана, России, Турции по итогам международной встречи по Сирии в Астане, 23-24 января 2017 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 26.01.2017. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/situatsiya_vokrug_sirii/1541106/ (дата обращения: 25.02.2026).

46. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики об урегулировании задолженности Сирийской Арабской Республики перед Российской Федерацией по ранее предоставленным бывшим СССР кредитам [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45935 (дата обращения: 25.02.2026).
47. Сорокин, С. Роль России в Астанинском формате / С. Сорокин, С. Новоселов // Обозреватель-Observer. – 2023. – № 3. – С. 33-43.
48. Сорокина, С.К. Роль России в Астанинском формате / С.К. Сорокина, С.В. Новоселова // Обозреватель - Observer. – 2023. – № 3 (398).
49. ФСБ: свыше 5 тысяч граждан из России и стран Центральной Азии воюют на стороне ИГ [Электронный ресурс] // ТАСС. – 18.09.2015. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2272750> (дата обращения: 25.02.2026).
50. Хаджиева, Белла Магомедовна. Сирийский вопрос во внешней политике России в начале XXI века: дис. канд. ист. наук / Б. М. Хаджиева; Чеченский гос. ун-т им. А. А. Кадырова. – Грозный, 2024. – 164 с.
51. Хроника противостояния в Сирии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. – 15.03.2024. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/669066> (дата обращения: 25.02.2026).
52. Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева, 30 июня 2012 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2012. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1602175 (дата обращения: 25.02.2026).
53. Vogel, A. Russian-Iranian-Turkish trilateral relations in the Syrian civil war / A. Vogel // Pathways to Peace and Security. – 2023. – № 1 (64). – P. 76–110.